

МОДЕРНИЗАЦИЯ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ: НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Л.В. Кусургашева, д.э.н, доцент, заведующий кафедрой экономики
(Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева

650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28)

Е.В. Нехода, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой системного
менеджмента и экономики предпринимательства

(Национальный исследовательский Томский государственный
университет

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36)

Вопросы перехода российских регионов к интенсивному инновационному типу воспроизводства в контексте глобальных трендов в развитии мировой экономики приобретают особую актуальность. В условиях формирования предпосылок становления экономики знаний наиболее «слабым звеном» оказываются старопромышленные регионы, которые в России, по оценке консалтинговой компании ГК *StasMarketing*, составляют 40% [9].

В литературе до сих пор не сложилось единого понимания всего комплекса проблем, связанных со старопромышленными регионами, начиная с их определения и заканчивая причинами упадка и перспектив развития. По традиционной трактовке старопромышленный регион – это территория, на которой концентрируется промышленное производство с относительно низким уровнем технологического развития. Исследователи приводят разный набор характерных особенностей старопромышленных регионов, однако, в данном случае принципиальных разногласий среди них нет. К отличительным признакам старопромышленных регионов относят такие, как: исторически сложившееся доминирование индустриального производства, как правило, тяжелой промышленности с преобладанием больших предприятий, которые производят слабо дифференцированную, низкого уровня наукоемкости продукцию; использование устаревших технологий и высокая степень износа основных фондов; неразвитость традиций предпринимательства и низкая восприимчивость к инновациям; локализация рынков сбыта выпускаемой продукции; узкая специализация профессиональных навыков трудового потенциала региона, нехватка высококвалифицированных кадров для работы в новых секторах экономики, отставание требований и результатов переквалификации трудовых ресурсов от потребностей экономической реструктуризации, низкая мобильность капитала и рабочей силы [1, с. 29; 13, с. 52].

Все эти характеристики делают старопромышленные регионы (большинство из них) проблемными, так как они не отвечают современным соци-

ально-экономическим условиям, которые при всем много- и разнообразии подходов, можно определить как переходные от эпохи индустриальной экономики, где господствовало промышленное производство, к постиндустриальной или информационной экономике или экономике знаний. В силу этого становится неизбежной трансформация старопромышленных регионов, которая происходила и происходит на Западе по разным сценариям развития: уход от промышленного производства и развитие креативных индустрий или же диверсификация существующей индустрии и создание нового промышленного кластера, отвечающего требованиям современной экономики [10, с. 55].

В России территориальный (пространственный) фактор всегда играл значимую роль. Более того, некоторые исследователи утверждают, что «российское пространство всегда было и остается барьером для модернизации: страна имеет огромную территорию, слабо развитую инфраструктуру, многоукладную экономику, сильные территориальные и поселенческие различия в уровне и образе жизни» [7, с. 349–350]. Данная точка зрения представляется не совсем корректной; не само по себе российское пространство является сегодня барьером для модернизации, а усиление социально-экономической дифференциации российских регионов и их деиндустриализация, которые явились следствием либеральных рыночных реформ 90-х годов прошлого века. «Шоковый» переход к рынку и резкое сокращение государственной поддержки привели к деградации промышленного потенциала, старению производственных фондов, к усилению сырьевой ориентации российской экономики и ее регионов. При этом «старопромышленные регионы..., начиная с 1990-х гг. постигла деиндустриализация в гораздо большей степени, чем в целом и среднем по России» [2, с. 33].

В 2000-е годы в большинстве из них по факту реализуется инерционный сценарий, вытекающий из сложившихся тенденций и предполагающий экономический рост за счет эксплуатации советского прошлого и адаптацию к внешней среде (развитие существующей промышленности, усиление основной специализации региона). Федеральная и региональная политики развития старопромышленных регионов в эти годы основывались на дотировании и субсидировании их. Признается, что попытка реализации программы поддержки моногородов (наличие моногородов – характерный признак старопромышленного региона) в 2009–2011 годах, ориентированная преимущественно на стимулирование притока в них инвестиций, не принесла ожидаемых результатов и к сегодняшнему дню фактически свернута [12, с. 15].

В качестве промежуточного вывода отметим, что в качестве одной из основных причин непроисходящей в России инновационной трансформации старопромышленных регионов, выступает отсутствие единой, научно обоснованной государственной стратегии развития регионов. Как отмечает А. Н. Швецов, «государственная власть, у которой в 2000-е гг. появилось подкрепленное ресурсами стремление возобновить свою былую активность в этой сфере, ориентируется преимущественно на частные интересы

отдельных, наиболее влиятельных лоббистских группировок и действует к тому же импульсивно, беспорядочно и вслепую» [11, с. 48–49].

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что старопромышленным регионам нужна модернизация, понимаемая как кардинальная перестройка всей структуры экономики, предполагающая их неоиндустриализацию (новую индустриализацию) в качестве одного из своих элементов.

Главный российский идеолог неоиндустриализации, С. Губанов, рассматривает ее как вторую фазу индустриализации, содержание которой состоит в переходе к технотронным производительным силам [3, с. 18]. В силу этого она неизбежно связана с интеллектуализацией труда, с развитием в нем творческого содержания. Общеизвестно, что «на протяжении последних десятилетий действительно разворачивается устойчивая тенденция возрастания роли Человека, его творческой деятельности и личностных качеств» [4, с. 92]. По мнению одного из авторов статьи, этот процесс начался на стадии третьей промышленной революции (1940–1980 гг.) и получил новый импульс на этапе четвертой промышленной революции (1980-е гг. – наши дни) [8, с. 156–157]. В литературе не существует единства мнений относительно интеллектуализации труда и творчества, однако, можно, видимо, констатировать, что большинство исследователей имеют в виду переход от простого репродуктивного (ручного или машинного) труда к труду умственному, основанному на научном знании и развитии человека как личности. Такой переход связан с развитием социальной сферы, где и происходит формирование и развитие необходимых для развития экономики знаний человеческих качеств.

Понятно, что проведение неоиндустриализации, во-первых, невозможно без восстановления разрушенных производственных мощностей и, одновременно, их обновления, во-вторых (что вытекает из первого), потребует огромных средств. В то же время российский частный капитал даже в «тучные» 2000-е годы ориентировался лишь на получение краткосрочной прибыли, вывозя при этом ее за границу в огромных масштабах; нестабильное и незначительное оживление инвестиционной активности в этот период оказалось недостаточным для технологической и организационной модернизации предприятий старопромышленных регионов.

Проблемность ситуации состоит не только в том, что в этих условиях основным субъектом неоиндустриализации может и должно стать государство, которому необходимо будет не только вкладывать бюджетные деньги и кардинально менять общую идеологию и конкретные методы проводимой экономической политики, но и в том, что модернизация через неоиндустриализацию ставит под вопрос развитие социальной сферы, которая в настоящее время в целом переживает кризис. А для старопромышленных регионов эта проблема стоит еще острее, поскольку одна из их специфических черт заключается в невысоком качестве человеческого потенциала (невысокий уровень образования, узкая специализация профессиональных навыков, деградация здоровья, невысокая мобильность населения, невысокий уровень адаптивности к изменениям, неготовность к инновациям и пр.).

Каким видится выход из ситуации? Сторонники концепции неоиндустриализации считают, что «основой сокращения диспропорций регионального развития должна стать интеграция на основе «закона неоиндустриализации», предполагающего возможность извлечения прибыли только из готовой продукции, а не из сырья и материалов. Создание межотраслевых корпораций может способствовать комплексному развитию регионов, преодолению узкоотраслевой ориентации их экономики. Для добывающих регионов это означает создание и развитие обрабатывающих производств, для «постиндустриальных» мегаполисов – их интеграцию в национальную экономику не на правах «утилизаторов» сырьевой ренты, а в качестве центров технического обновления производств» [6, с. 133]. Речь идет, таким образом, о «вертикальной интеграции» добывающих и обрабатывающих производств (по-видимому, на новой, высокотехнологичной основе) как политики решения проблем старопромышленных регионов. При этом сторонники неоиндустриализации обычно не акцентируют внимание на противоречии между необходимостью проведения масштабной структурной перестройки экономики и развитием социальной сферы.

Другие авторы, такие как А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, главным приоритетом считают развитие креатосферы, в которой «создается и реализуется главная производительная сила экономики XXI в. – креативный потенциал человека» [4, с. 88]. То есть по существу предлагается опережающее развитие образования, науки, искусства, здравоохранения, рекреации общества и природы. «Опережающее» – значит, за счет развития материального производства? «Нет», говорят авторы концепции, предлагая другой путь: повышение производительности труда за счет его творческого характера: «Человек творческий радикально повышает производительность труда, в разы сокращая необходимую занятость в материальном производстве» [4, с. 91].

Во второй части своей статьи А. В. Бузгалин и А. И. Колганов [5] выделяют основные элементы стратегии опережающего развития, исходящей из приоритетности развития креатосферы, и которую они сами называют стратегией развития «экономики для человека». Не вдаваясь в подробности, отметим, что, несмотря на всю привлекательность рассматриваемой концепции, она, на наш взгляд, представляется несколько утопичной в современных геополитических и внутренних условиях.

Теоретически ясно, и практика это подтверждает, что при сохранении нынешней экономической политики и снижения роли природно-ресурсного потенциала (по мере становления экономики знаний) социально-экономическая дифференциация регионов России будет углубляться, все больше разделяя старопромышленные регионы («периферия») и постиндустриальные территории («центр»). Очевидно также, что нужна альтернатива, которая, с нашей точки зрения, формулируется так: модернизация российской экономики через ее неоиндустриализацию и развитие социальной сферы.

Список литературы:

1. Глonti, К. М. Старопромышленные регионы: проблемы и перспективы развития // Регионоведение. – 2008. – № 4. – С. 27–39.
2. Гордеев, В. А. Старопромышленный регион в свете новой индустриализации / В. А. Гордеев, А. А. Гордеев // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 2 (22). – С. 33.
3. Губанов, С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3–27.
4. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия. Теоретический дискурс / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 80–94.
5. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 120–130.
6. Кочергин, Д. Г. Постиндустриальный контекст стратегий социально-экономического развития России: национальный и региональный аспекты / Д. Г. Кочергин, В. А. Логачев // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2013. – № 2. – С. 130–133.
7. Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А. В. Усс, В. Л. Иноземцев, Е. А. Ваганов [и др.]. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. – 396 с.
8. Нехода, Е. В. От навыков и обучения сотрудников к компетенциям и развитию (на примере специалистов нефтегазовой отрасли) // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 341. – С. 154–161.
9. Перспективы стратегического развития старопромышленных регионов России и Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stasmarketing.ru/project/перспективы-стратегического-развития-старопромышленных-регионов-россии-и-украины>. – [15.04.2015].
10. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России / И. Стародубровская [и др.]; под ред. И. Стародубровской. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2011. – 248 с.
11. Швецов, А. Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // Пространственная экономика. – 2015. – № 1. – С. 38–61.
12. Шестопапов, А. Г. Перспективы стратегического развития старопромышленных регионов России / А. Г. Шестопапов, Е. И. Борисов, К. К. Сафронов, Е. С. Каледина // Бюджет. – 2012. – № 12. – С. 14–19.
13. Яковлева, Ю. К. Старопромышленные регионы: социально-экономическое развитие как объект исследования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 7-2. – С. 51–58.